

Е. Б. Пастернак **ПРЕДИСЛОВИЕ**

Il faut être libre souverainement en roi, non par l'autorité de son art, des usages environnants, mais de ses propres perfections acquises, franc de soi-même.

Надо быть совершенно свободным,— по-королевски, не только от признания своего искусства окружающими, но даже от своего собственного, уже достигнутого совершенства, свободным от самого себя.

Борис Пастернак

Творческой биографии Бориса Пастернака посвящена достаточно большая по объему литература на разных языках мира. При этом только в немногих работах отражено место Пастернака в современной ему критике, т. е. тот отклик, который сопровождал его деятельность в общественном сознании. В первую очередь это книги Л. Флейшмана «Борис Пастернак в двадцатые годы» (Мюнхен, 1981) и «Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов» (СПб, 2005). Задача, поставленная нашим изданием, тем более интересна, что едва ли можно назвать другие примеры такого резкого развоения мнений русской читающей публики и литературной критики, как в случае Пастернака.

Главным образом это отразилось в разнице между советской и эмигрантской критикой. И это не столько в принципиально полярном политическом подходе, но и в различии критического понимания творчества автора и литературном анализе.

Кроме того, в советские годы часть содержательной критики вообще не попадала в печать. Поэтому составители решили включить в сборник оставшиеся в письмах и частных архивах разборы и отзывы людей, читавших Пастернака в рукописях или слушавших его на авторских вечерах или у друзей в гостях и бывших, пожалуй, самой главной аудиторией, оказывавшей влияние на последующие этапы работы Пастернака.

Сборник делится на два тома, содержащие 12 разделов или глав в соответствии с резкими историческими и, следовательно, глубокими биографическими изменениями, складывавшими сознательную и творческую жизнь Пастернака. Мир за время его деятель-

ности (1912–1960) претерпел невиданные потрясения и изменился до неузнаваемости. Ответным этапам общественного сознания и творческой реакции автора посвящены последовательные разделы сборника.

Первый из них назван цитатой из стихов Пастернака «Так начинают...». Он содержит выдержки из воспоминаний и отзывов на его ранние книги людей, тесно окружавших его в начальные годы первых литературных выступлений. Отобранные нами отрывки из воспоминаний показывают раннюю выработку характера, вкусы и формирование его поэтических взглядов. Воспоминания его брата Александра, Сергея Боброва, С. Дурылина и К. Локса, помимо суждений о первых опытах Пастернака, дают представление о художественных задатках, трудном выборе профессии и творческой философии молодого человека 1910-х годов. В этот раздел включены также скучные критические отзывы на книги «Близнец в тучах» (1914) и «Поверх барьеров» (1917), в свое время почти незамеченные и ставшие теперь предметом пристального изучения и материалом многих литературоведческих исследований.

Раздел «Две книги» посвящен книге стихов «Сестра моя жизнь» и сборнику «Темы и вариации», появление которых в 1922–1923 годах стало литературным событием и предметом широкого критического обсуждения. Статьи Цветаевой, Асеева, Мандельштама, Парнок полны восхищения лирической силой и свежестью этих книг. Валерий Брюсов, говоря о значении книги «Сестра моя жизнь», отметил, что в ней без какого-либо политического упоминания передан самый дух революционного лета 1917 года. В «Британской энциклопедии» Святополк-Мирский признал за Пастернаком первостепенное место в современной поэзии.

Впрочем, сам автор был недоволен сборником «Темы и вариации» (в результате строгого отбора за его рамки оказалось вынесено трагическое ощущение бесчеловечной жестокости октябрьского переворота, оставшееся в мелких намеках и прикровенных образах отдельных стихотворений), посвятив книгу главным образом своим размышлениям об искусстве и душевно тяжелым переживаниям любовного разрыва. К счастью для автора, ни читатели, ни критика и впоследствии не раскрыли мрачный подтекст общественного разочарования.

«Для Пастернака интенсивность переживания, прямое и спонтанное его выражение являются важнейшими элементами художественного творчества», — характеризовала его поэтику американская исследовательница Ольга Хьюз-Раевская.

Поэтому главным обвинением Пастернаку критика выдвигала «непонятность» его лирических стихов. Его друг юности, историк

литературы К. Г. Локс, давал объяснения особому построению образов этой поэзии: «Для того чтобы понимать и ценить Пастернака, необходимо только одно — нужно отказаться от поэзии банального, для того чтобы полюбить поэзию предельного. Он не знает середины и не помнит о красавостях — они вне его поля зрения. Поэтому пейзаж, обрамляющий тему, всегда *дан в стихийной* работе самого естества, в его движении <...>. Так внутренне оправдывается переход к большим жанрам — роману в стихах и поэме, так становится все определеннее особенность его поэтического зрения: это эпическая, как бы независимая от восприятия, структура образа, его насыщенность своим собственным содержанием и одновременно — крайняя субъективность в его истолковании, раскрытии, а иногда и завуалированности этого образа. Отсюда некоторая трагичность поэтического пути Пастернака, отсюда же его “непонятность”... Предельная насыщенность — таково свойство самого материала в этой необычной поэзии».

В ходе двадцатых годов советская литература переживала кардинальные изменения. В критических отзывах о Пастернаке возникают первые идеологические обвинения, порою равносильные прямой угрозе его свободе. Понимая, что лирика перестала звучать и «эпос внушен временем», он пишет историко-революционные поэмы «1905 год» и «Лейтенант Шмидт», которые спасают его от прямых критических нападок. Радостной поддержкой в его сомнениях относительно сделанного «отступления» стало отношение к его поэмам со стороны эмиграции.

Осознавая тот «компромисс с бурным своим тысячелетием», на который пошел Пастернак в своих поэмах, известный эмигрантский литературный критик Марк Слоним писал, что и в них автор «воспел не события, не людей даже, а все те же душевные движения отдельных личностей, жертвенность лейтенанта Шмидта, идеализм террористов, стихию моря, романтику демонизма в уличной стычке. Чудесная пронзительность запева его поэм была чисто лирической. Он и в них остался верен самому себе: “слушать мир в себе”. Вообще в дни, когда деяние было провозглашено единственной добродетелью, Пастернак обращался к созерцанию, раздумью, к отыскыванию тайных корней вещей. Он явно расходился со своими современниками, которые презирали всякие мудрствования, заменяя их тщательно затверженными заповедями практического поведения».

Отношение к нему в советской критике колеблется от предлагаемой ему почетной роли певца революции до открытых требований политической расправы с ним, резко прозвучавших после публикации «Спекторского» и «Охранной грамоты». Из одной статьи в дру-

гую повторяется обвинение Пастернака в субъективном идеализме, аполитичности и буржуазном реставраторстве, что на языке советских критиков приравнивалось к контрреволюционности.

Этот раздел мы назвали «Вакансия поэта», он посвящен пробудившемуся после смерти Маяковского и приезда Горького периоду общественной активности Пастернака, его участию в создании Союза писателей, Первого съезда, поездке в Париж и выступлениям на пленумах и писательских дискуссиях.

К этому времени относится самая большая по объему масса отечественных статей и отзывов о Пастернаке, обсуждавших интенсивность его лирических переживаний, прямого и спонтанного его выражения. Страстность его лирики вызывала подозрение у многих критиков и завораживала других. Но и у тех и у других звучит непонимание самого существа жанра лирики как особого восприятия мира в отличие от требуемого в советской литературе эпического повествования о новом человеке и успехах социалистического строительства.

«Лирика в истории развития литературы,— писала О. М. Фрейденберг, профессор-классик и двоюродная сестра Пастернака,— величайший поворот человеческого сознания; в отличие от других, более ранних жанров, она обращает свое внимание на человека, как действующее лицо субъективного познания мира изнутри, от самого себя. Если в других видах литературы, в эпосе или драме, на первом месте стоит описание событий и положений со стороны, и их действующим лицом оказывается отличный от автора герой, то лирика интересуется душевным состоянием человека и выражает его от имени самого поэта. Ее содержанием становится его внутренний мир. В истории литературы лирика возникает одновременно с философией, и в ее выражении философское понимание мира приобретает личный характер отношения к нему».

Не задумываясь и не желая понять специфику этого жанра, критика обвиняла Пастернака в эгоцентризме, не видя, что биографичность его лирической поэзии и прозы основана на понимании своей жизни как «орудия познания всякой жизни на свете» и что он ведет «именно этот расточительно-личный и нерасчетливо-одинокий род существования»,— как писал Пастернак о Шопене в своей статье о нем.

«Когда-нибудь о Пастернаке будет написана книга, где за каждым его стихотворением будет поставлена дата его жизни,— писал близкий в то время друг Пастернака К. Зелинский.— Я, конечно, не принадлежу к тем, кто биографический метод считает основой исследования художественного произведения. Но биография художника, жизнь поэта, как равнодействующая, где складываются силы, и социальные, и биологические, и всякие иные,— все это незаменимый источник для объяснения возникновения тем, привлечения материала, психоло-

гии творчества, а отсюда (в известной мере) и идеологии. Биография лирического поэта, сделавшего личную жизнь “материалом” своего творчества, многое иногда может объяснить, что в стихах кажется зашифрованным, необъяснимым, случайным».

Пастернак принимал такое положение вещей за должное, но он не смотрел на происходящее через розовые очки и надеялся на перемены, на то, что своими высказываниями и силами единомышленников сможет изменить к лучшему ситуацию в литературе и общественной жизни. «Несмотря на все, полон я веры во все, что у нас делается», — писал он в это время О. М. Фрейденберг, несмотря на то, прибавлял он, что «многое поражает дикостью». Контекст эпохи позволяет предположить, что своей общественной активностью Пастернак пытался способствовать либерализации политики, особенно на фоне фашизма, победившего в Германии.

Особое значение имел состоявшийся в 1934 году Съезд писателей, на котором доклад о поэзии делал Н. Бухарин. О поэзии Пастернака он сказал: «Пастернак оригинален. В этом и его сила и его слабость одновременно. В этом его *сила*, потому что он бесконечно далек от шаблона, трафаретности, рифмованной прозы. В этом его *слабость*, потому что эта оригинальность переходит у него в эгоцентризм, когда его образы перестают быть понятными, когда трепет его задыхающегося ритма и изгибы тончайшей словесной инструментовки превращаются, за известной гранью, в перепады непонятных образосочетаний, — настолько они субъективны и интимно-тонки».

Выступления Пастернака звучали диссонансом по отношению к общему тону писательских собраний. В них он постоянно отставал творческую свободу и внутреннюю независимость художника. Критика не приняла его книгу «Второе рождение», провозглашенные в ней «дали социализма» вызывали возмущение тех, кто приветствовал сегодняшние подвиги.

Публиковавшиеся в газетах отчеты о выступлениях писателей на пленумах и собраниях вызывали отклики в эмигрантской печати. Там отмечали постоянный интерес выступавших к положению Пастернака в советской поэзии. «Без преувеличения можно сказать, — писал Г. Адамович в статье «Литература в СССР», — что спорили почти исключительно о Пастернаке <...> Попытки некоторых ораторов перенести интерес на других поэтов — на Тихонова, Асеева, Сельвинского — не имели успеха: спор скоро возвращался к тому же предмету» («Последние новости», 5 марта 1936). Статья в «Комсомольской газете» «Откровенный разговор» (23 февраля 1936) резко обозначила перемену курса в отношении Пастернака и положила начало угрожающим предостережениям.

Начиная со времени нападок на Бухарина и его последующего ареста, его слова о Пастернаке стали рассматриваться как апология камерного, аполитичного поэта, чего в них не было. «На первом все-союзном съезде писателей в своем докладе т. Бухарин провозгласил, что время агиток Маяковского прошло,— писала «Литературная газета».— Он ориентировал советскую поэзию на творчество т. Пастернака, как представителя “чистой” лирики. Такой ориентир был неправильным и нанес вред советской поэзии, в том числе Борису Пастернаку, крупнейшему поэту нашей страны, чье творчество необоснованно было объявлено знаменем, а сам Пастернак чуть ли не главою советской поэзии» (24 февраля 1936). На заседании бюро поэтической секции 4 мая 1937 года А. Сурков так объяснял перемену в отношении критики к И. Сельвинскому и Пастернаку, талант которых был высоко отмечен Бухариным: «Что переживают Сельвинский и Пастернак сейчас, после обстановки наибольшего благоприятствования, после первого съезда писателей, после той обстановки, которая внутренне импонировала им обоим, потому что кому из нас не импонировало бы, если бы о нас так заявили на авторитетном съезде писателей.

И вот, после этой общественной атмосферы, которая была создана после съезда писателей, им пришлось перемещаться в полосу общественного холода. Это для любого человека очень сложная вещь».

В годы большого террора Пастернак замкнулся, поняв бессмыслинность своих надежд, и в следующем разделе мы собрали разновременные отзывы о переводах Пастернака, которыми он начал тогда заниматься. Раздел называется «Уход в переводы», занятие которыми и уединенная жизнь в Переделкине на лоне природы помогли ему сохранить душевное здоровье в то страшное время.

Эта деятельность продолжалась и во время войны и после нее, поскольку две маленькие книжки, «На ранних поездах» и «Земной простор», собравшие несколько предвоенных стихотворений и написанных о войне, не изменили дачного отшельничества Пастернака. Но именно послевоенные годы стали временем возвращения к страшным угрозам прежних лет и ожесточенной борьбе за выживание. Повторные аресты вернувшихся из лагерей и ссылок, погромные статьи против космополитизма и преклонения перед Западом вернули имя Пастернака из забвения и сделали его объектом критических нападок и обвинений. Кроме немногих статей этого времени, мы поместили в этот раздел отдельные документы, характеризующие нарастание обвинений Пастернака со стороны возглавлявших в то время Союз писателей чиновников и писателей, а также переписку главного редактора журнала «Знамя» драматурга Вс. Вишневского,

желавшего стереть в порошок Пастернака, и литературного критика А. Тарасенкова, влюбленного в стихи Пастернака, но вынужденно го писать статьи против него. Пользуемся случаем поблагодарить Н. А. Громову, включившую обзор этой переписки в свою книгу «Распад» (М., 2009).

При том что каждая книга Пастернака всегда представляла собой новое лицо автора, отличаясь новой поэтической манерой, критика все время продолжала обвинять его в старых грехах: субъективизме, сознательной зашифрованности и пессимизме его стихов, уходе от реальной действительности.

«О том, что тот момент таил в себе диаметрально противоположные возможности, можно судить и по положению Пастернака в писательской среде,— писали Лазарь Флейшман и Магнус Юнггрен в своей статье «На пути к Нобелевской награде: С. М. Баура, Н. О. Нильссон, Пастернак».— С одной стороны, он неудержанно шел на открытый конфликт с литературными властями и стал “так откровенно безучастен” к “низкопоклонной придворной стихии”, что “позволил ей низвести себя до положения вши”. С другой,— группа писателей, представлявшая в той ситуации либеральный фланг интеллигенции, добивалась выдвижения Пастернака на Сталинскую премию, полагая, что успех этой затеи явится гарантией общего улучшения климата интеллектуальной и культурной жизни в стране».

Поначалу, когда в газетных статьях раздавались грозные слова о Пастернаке, замкнувшемся в узком кругу «собственных переживаний», он активно выступал с чтением стихов в различных аудиториях, собиравших многие сотни молодых слушателей, которые подсказывали ему забытые строчки и устраивали овации. Он находил в лицах студентов и вернувшихся с войны солдат поддержку и на ее волне начал работу над романом «Доктор Живаго», в котором хотел новым читателям рассказать о судьбах своего поколения. «Сумрак ночи» назвали мы эту главу — словами из написанного в то время стихотворения «Гамлет». Интенсивная работа над давно задуманным и вновь начатым романом полностью закрыла от Пастернака критические страсти, кипевшие вокруг его имени.

«Неужели Вас огорчают устные и печатные выпады против меня,— писал он деревенскому учителю из Донбасса,— которые, вероятно, возобновятся? А меня они не трогают. С привычной установившейся точки зрения все ведь это справедливо и естественно. Я же сам еще резче и непримиримее отношусь к своему прошлому. И совсем по-другому. ...Все эти громы я навлекаю на себя в возрастающих размерах своим безучастием к ним. На старости, перед смертью хочется мне возродить забытую традицию чистоты, которая когда-то

для сознательных и мыслящих людей в России была обязательна. Софизмы и провокации, которыми хотят добиться чего-то от меня, меня не пугают. Я готов ко всему, и к самому худшему» (Б. Губареву 19 сентября 1947).

Во время писания «Доктора Живаго» Пастернак регулярно собирал у себя или у друзей разных людей, знакомых и незнакомых, и читал им написанные главы. Ему было интересно узнать реакцию слушающих, среди которых были не только его давние поклонники, но и молодые люди, высказывавшие свои непосредственные впечатления.

Об одном из первых таких чтений в кругу друзей К. И. Чуковский записал в дневнике: «Вчера вечером... я... был на чтении у Пастернака. Он давно уже хотел почитать мне роман, который он пишет сейчас. <...> А как нарочно в этот день, на который назначено чтение, в “Правде” напечатана резолюция Президиума ССП, где Пастернака объявляют “безыдейным, далеким от советской действительности автором”. Я был уверен, что чтение отложено, что Пастернак горько переживает “печать отвержения”, которой заклеймили его. Оказалось, что он именно на этот день назвал кучу народа» (8 сентября 1946).

В разделе «Письма о романе» мы собрали несколько отзывов, в которых разные люди выражали свое мнение об услышанном или прочитанном. Конечно, писали Пастернаку главным образом те, кому это понравилось, но для равновесия мы включили туда и некоторые, более поздние, критические отзывы.

Следующим разделом «В осаде» идут материалы официальной травли Пастернака, последовавшей за присуждением ему Нобелевской премии в 1958 году. Основным источником этих документов явилась книга «“А за мною шум погони”. Борис Пастернак и власть» (М., РОСССПЭН, 2001). Во главе осаждавших были ЦК партии и его Президиум (Политбюро) во главе с М. А. Сусловым, отдел культуры с его заведующим Д. А. Поликарповым и инструктором И. С. Черноуцаном, два последующих председателя Комитета Государственной безопасности И. А. Серов и А. Н. Шелепин, Союз писателей, начиная со своих секретарей и кончая рядовыми членами. Они обменивались информацией, разрабатывали стратегию, принимали решения, отдавали приказы. Все это делалось для борьбы с человеком, посмевшим написать и издать за границей роман о пережитом людьми своего поколения, открыв новую страницу в истории свободомыслия в Советской России. Тогда было положено начало диссидентства и связанных с ним хождения машинописных копий «самиздата», подслушивания разговоров, перехвата почты и пересылки рукописей на Запад, всего того, что характеризовало жизнь следующих тридцати

лет. Теперь, по прошествии полувека, люди уже с трудом понимают причины того мощного противостояния и бешеного неприятия, которое вызвал в огромной машине партийного аппарата спокойный, лишенный какой-либо политической полемики роман, и почему объявленная Н. Хрущевым либерализация и критика «культы личности» захлебнулась в травле человека, осмелившегося не считаться с невысказанными запретами. Для советской системы было непреимлемо именно само понятие аполитичности, и игнорирование политических споров вызывало особенную ярость. Организованное ЦК «дело Пастернака» должно было показать Хрущеву, какой вред приносит либерализация и отсутствие жестких границ дозволенности.

Раздел «С другого берега» представляет собой реакцию русской эмиграции на выход «Доктора Живаго» и последовавшую за присуждением Пастернаку Нобелевской премии политическую кампанию со стороны ЦК и Союза писателей, обрушившуюся на Пастернака.

Отдельным разделом мы выделили разборы романа «Доктор Живаго», сделанные в эмиграции, многие из которых представляют собой серьезные исследования и разные трактовки романа, сохранившие до сих пор научный интерес и бывшие недоступными русской публике. Статьи Г. П. Струве, В. Франка, М. Корякова положили начало подлинно научному исследованию творчества Пастернака.

«...Имеем ли мы право видеть в романе философское произведение? — задается вопросом Л. А. Зандер.— Не впадаем ли мы в таком случае в... ошибку: вычитывать или, вернее, “вчитывать” в роман те мысли, которые нам самим дороги и интересны?.. Каждый смотрит на мир (а следовательно, и на художественные произведения) своими глазами, и в этом смысле то, что он в них видит, зависит как от силы и зоркости его зрения, так и от того, на что его внимание направлено... Всякое толкование предполагает выбор... Другие подойдут к тому же предмету с иных сторон, посмотрят на него иными глазами и увидят в нем то, что ускользнуло от его взгляда. Знание целого всегда имеет соборный характер и нуждается в совместном труде многих».

Этот раздел, как и предыдущий и последующий, обязан своим составом помочи Лазаря Флейшмана, профессора Стенфордского университета, написавшего большую книгу «Встреча русской эмиграции с “Доктором Живаго”: Борис Пастернак и “холодная война”» (Stanford, 2009).

Раздел «После грозы» составлен из появившихся в западной печати откликов на смерть Пастернака, причем здесь выделяются такие фигуры русской эмиграции, как Б. Зайцев, Г. Струве, Ф. Степун, В. Франк, А. Л. Толстая. Приведены некоторые телеграммы соболезнования, полученные как отклики на смерть Пастернака.

Последним разделом мы помещаем небольшую подборку стихов разных поэтов, посвященных Пастернаку.

* * *

Несколько технических замечаний.

Из всей необъятной критической и исследовательской массы написанного о Пастернаке, за некоторыми исключениями, мы брали только прижизненные материалы (естественно, это не касается того, как отзывались современники на кончину Пастернака). Располагая их по разделам, мы придерживались по большей части принципа хронологической последовательности, чтобы были понятны переклички и несогласия авторов этих работ и развитие основных тенденций критических отзывов.

Кроме того, в некоторых слишком распространенных статьях мы позволили себе делать сокращения, обозначая их многоточием. Цитаты из произведений Пастернака идут без ссылок, которые неминуемо увеличили бы объем примечаний, расположенных в конце тома. Цитаты из писем, приводимые в этих комментариях обозначены только датами, по которым их можно найти в Полном собрании сочинений в 11 томах (М., «Слово», 2003–2005). Немногочисленные ссылки на это издание обозначаются: ПСС, номер тома и страницы. Некоторые публикуемые впервые документы, находящиеся среди сохранившихся у нас бумаг, обозначаются: Семейный архив Е. П.

Пользуемся случаем принести благодарность помогавшим нам в сортировке и копировании материалов, Р. Д. Тименчику, своими советами подсказавшему нам некоторые принципы составления сборника, В. Г. Смолицкому, Р. А. Лихт, Н. А. Громовой, Е. Б. и Б. Е. Ращиковским и членам нашей семьи, способствовавшим его подготовке: Е. Е. Давыдовой, П. Е., П. Б. и А. Б. Пастернакам. Особую признательность мы выражаем Л. Флейшману, подтолкнувшему нас к идеи сборника, снабдившему нас материалами зарубежных русских изданий, сведениями о их авторах и постоянно поддерживавшему нас в процессе работы.

